

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ

Ilya V. GERASIMOV

Сергей В. ГЛЕБОВ

Serguei V. GLEBOV

Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ

Alexander P. KAPLUNOVSKI

Марина Б. МОГИЛЬНЕР

Marina B. MOGILNER

Александр М. СЕМЕНОВ

Alexander M. SEMYONOV

Рецензии и библиография

Reviews and Bibliography

София ГРАЧОВА

Sofia GRACHOVA

Литплавка и корректура

Style Editing and Proofreading

Инна ХАРИТОНОВА

Inna KHARITONOVA

Тереза М. МАЛХАМИ

Therese M. MALHAME

47203

3/2012

www.abimperio.net

Идея Аллы Зейде
The initial idea of Alla Zeide

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD

Борис АНАНЬИЧ (Санкт-Петербургский Институт
российской истории РАН, Россия)

Jörg BABEROWSKI (Humboldt University, Germany)

Seymour BECKER (Rutgers University, USA)

Rogers BRUBAKER (UCLA, USA)

Mark von HAGEN (University of Arizona, USA)

Geoffrey HOSKING (University of London, UK)

Miroslav HROCH (Charles University, Czech Republic)

Ярослав ГРИЦАК (Институт історичних досліджень Львівського
національного університету імені Івана Франка, Україна)

Рафаил ГАНЕЛИН (Санкт-Петербургский Институт российской
истории РАН, Россия)

Peter GATRELL (University of Manchester, UK)

Искандер ГИЛЯЗОВ (Казанский государственный университет, Россия)

Andreas KAPPELER (University of Vienna, Austria)

Maria KOVACS (CEU, Hungary)

Jan KUSBER (Mainz University, Germany)

Dieter LANGEWIESCHE (Tübingen University, Germany)

Kimitaka MATSUZATO (Hokkaido University, Japan)

Alfred RIEBER (CEU, Hungary)

William ROSENBERG (University of Michigan, USA)

Darius STALIŪNAS (Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania)

Yuri SLEZKINE (University of California at Berkeley, USA)

Ronald SUNY (University of Chicago, USA)

Richard WORTMAN (Columbia University, USA)

Serhy YEKELCHYK (University of Victoria, Canada)

Ольга МАСТЯНИЦА

ЖЕНЩИНА МЕЖДУ СОСЛОВНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

**(НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ В 1830–1860-Е ГОДЫ)***

В последнее время особую актуальность приобрели исследования национальной политики Российской империи, в рамках которых историки рассматривают попытки властей упорядочить социальную и этноконфессиональную структуру общества. Особый интерес при этом вызывают категории классификации подданных, разработанные имперским центром и местными чиновниками. С одной стороны, изучение принципов идентификации социальных и этноконфессиональных групп позволяет делать новые выводы о спланированности и концептуальности национальной политики в империи. С другой стороны, на эти выводы влияет тенденция рассмотрения подданных “беспокойных” западных окраин (поляков, литовцев, белорусов, евре-

* Статья подготовлена на основе доклада “‘Женский вопрос’ в национальной политике Российской империи”, прочитанного на международной научной конференции “Российская империя и ее подданные: критерии и практика идентификации имперского населения” в Вильнюсе 17 сентября 2008 г. За рецензирование статьи выражаем благодарность Михаилу Долбилову и Дариусу Сталюнасу, а также двум анонимным рецензентам *Ab Imperio*.

ев) как цельных групп, для которых предназначались разработанные властями якобы не чувствительные к гендерной и иной специфике категории классификации подданных. В научной литературе мы не найдем анализа принципов имперской идентификации женщин – представительниц различных социальных и этноконфессиональных групп. Исключение составляют лишь несколько работ, в которых анализируется использование гендера, как одного из способов ассимиляции евреев в Российской империи и империи Габсбургов.¹ Однако само существование подобных работ позволяет ставить вопрос о том, выработала ли имперская власть особые принципы идентификации представительниц женского пола других этноконфессиональных групп западных окраин и использовались ли эти принципы при разработке стратегий национальной политики.

Задача этой статьи как раз и состоит в том, чтобы понять, как осмысливалась социальная роль женщин в 1830–1860-е гг. центральной и местной администрацией Северо-Западного края, население которого составляли различные этноконфессиональные группы. Хронологические рамки исследования охватывают период между восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг. и последующие несколько лет, когда имперская власть особенно усердно разрабатывала стратегии национальной политики в регионе.

Следует подчеркнуть, что уже в конце XVIII в. женское образование на западных окраинах постепенно приобретало институционные формы, хотя в большинстве случаев оставалось домашним. Регулируя эту сферу, имперская власть получала дополнительную возможность внедриться в частную жизнь подданных. Именно в государственной политике в сфере женского образования могли отчетливо проявляться принципы идентификации социальной роли женщин той или иной социальной и этноконфессиональной группы. К сожалению, этот сюжет в истории Северо-Западного и Юго-Западного края, а также территории бывшего Варшавского княжества не нашел адекватного отражения в научной литературе. Однако существующие более общие исследования национальной политики в Северо-Западном крае позволяют предполагать, что власти осознанно занимались политикой идентификации

¹ Paula E. Hyman. *Gender and Assimilation in Modern Jewish History. The Roles and Representation of Women*. London, 1995; Todd M. Endelmann. *Gender and Radical Assimilation in Modern Jewish History // Gendering the Jewish Past*. Williamsburg, VA, 2002. Pp. 25–40; Rachel Manekin. *The Lost Generation. Education and Female Conversion in Fin-de-Siecle Krakow // Polin. Studies in Polish Jewry*. 2005. Vol. 18. Pp. 189–218.

представительниц женского пола различных этноконфессиональных групп. Так, к примеру, М. Д. Долбилов отметил, что в символическом прочтении восстания 1863–1864 гг., которое предложил виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев, важное место занимала полька. Именно ей отводилась роль “сосуда”, в котором хранилась субстанция ненависти к России, она была проводником римского католицизма в его наиболее воинствующей, экспансионистской форме.² Такое прочтение роли польки “вынудило” генерал-губернатора издать несколько циркуляров и распоряжений символического характера, направленных против полек-католичек как потенциальных соучастниц восстания. Исследования Д. Сталюнаса, особенно в области образовательной и лингвистической политики, показали, что после восстания ограничительные меры центральной и местной администрации затронули и сферу женского образования. Так, гендерная специфика проявилась в решении вопросов о педагогах “польского происхождения” в частных домах и о языке преподавания Закона Божьего в женских гимназиях.³ Э. Адлер отметила, что в 1860-е гг. местная администрация Северо-Западного края озаботилась образованием еврейских девушек, правда, особых преобразований в этой сфере не произвела.⁴

“Изменим предрассудки дворянок...”

Политика в сфере образования была главным элементом национальной политики имперских властей в Северо-Западном крае. Первые нововведения в систему образования стали устанавливаться уже в конце 1820-х гг., однако только после восстания 1830–1831 гг. центральная и местная администрации начали разрабатывать более отчетливые стратегии в этой сфере. Но исследователи интересовались в основном отдельными мерами по реформированию системы образования между восстаниями 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., нежели процессом формирования и разработки чиновниками стратегий образовательной политики по отношению к различным социальным и этноконфессио-

² М. Д. Долбилов. Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova* 2000. Москва, 2000. С. 358-367.

³ Darius Staliūnas. *Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuanian and Belarus after 1863*. Amsterdam and New York, 2007. Pp. 95, 225-226.

⁴ Eliyana R. Adler. *In Her Hands: The Education of Jewish Girls in Tsarist Russia*. Detroit, 2010. Pp. 49-50, 105.

нальным группам подданных.⁵ Тем не менее и первый подход позволили сделать вывод о том, что между восстаниями главным “врагом” на пути окончательного “сближения” западных окраин с Российской империей чиновники считали поляков, которых отождествляли с представителями дворянского сословия, исповедующими римско-католическую веру.⁶ Поэтому центральная и местная администрации столь много внимания уделяли именно среднему образованию, последовательно внедряя принцип государственного надзора над воспитательным и учебным процессом в средних учебных заведениях и новые принципы лингвистической политики.

Следует отметить, что в Северо-Западном крае, а точнее на территории Белорусского (Виленского) учебного округа, охватывавшего Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии, система женского образования не выделялась из общей системы школьного образования и не подчинялась отдельному ведомству (например, ведомству императрицы Марии Федоровны, как это было в других учебных округах). Оно сосредотачивалось либо в общих начальных школах, либо в частных женских пансионах, надзор над которыми по “Уставу учебных заведений, подведомственных университетам” (1804 год) сначала был передан Виленскому университету, а после его закрытия ведомству Белорусского (Виленского) учебного округа. Исключение составляли лишь школы при женских римско-католических монастырях, находившиеся под контролем местных епископов. Как уже упоминалось, после восстания 1830–1831 гг. главным генератором политики в сфере образования в Северо-Западном крае были местные чиновники, точнее ведомства генерал-губернатора и попечителя учебного округа. Правда, местная администрация не спешила обратить свой взор на систему женского образования, уделяя исключительное внимание мужскому образованию. К концу 1833 г. она уже собрала информацию о числе женских учебных заведений (частных пансионах и школах при римско-католических женских монастырях), численности обучающихся в этих школах, программах обучения.⁷ Однако эти сведения, в отличие

⁵ Meilė Lukšienė. Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje. Kaunas, 1970; Leszek Zasztowt. Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997.

⁶ Lukšienė. Lietuvos... P. 211; Zasztowt. Kresy... S. 59.

⁷ Записки о деятельности женских учебных заведений в Белорусском (Виленском) учебном округе, собранные ведомством учебного округа и переданные ведомству генерал-губернатора (1832–1833). Lietuvos valstybės istorijos archyvas (далее – LVIA). Ф. 567. Оп. 2. Д. 3227. Л. 349-365.

от таких же данных о системе мужского образования, не использовались для выработки стратегий политики в сфере женского образования, как это, к примеру, было в Киевском учебном округе.

В 1833 г. киевский генерал-губернатор В. В. Левашев запросил у императора Николая I разрешение на незамедлительное открытие в Киеве девичьего института для трех губерний Юго-Западного края – Киевской, Волынской и Подольской: “Ни в училищах этого края, ни в семействах, – писал генерал-губернатор, – никто не стремится к приобретению полезных для общества знаний, никто не заботится о нравственном себя усовершенствовании; одно только упражнение ума приятными искусствами составляет цель образования; от сего гражданские добродетели и государственные обязанности остаются в небрежении или затмеваются превратными понятиями”.⁸ Все это, по мнению графа Левашева, вызывало острую нужду всячески подвигать и поощрять жителей края к воспитанию детей в общественных заведениях и “примерному в них образованию”. Еще более необходимым, чем воспитание юношей, генерал-губернатор считал “нравственно и сообразно пользе общественной умственное образование будущих матерей семейств”, мотивируя это тем, что “владычество их над сердцами и умами мужей и детей своих все производит”.⁹ Аналогичное мнение о необходимости сосредоточить в руках правительства женское образование в юго-западных губерниях решительно высказал и попечитель Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке. Докладывая о проведенной им ревизии учебных заведений этих губерний, он подчеркивал, что женщины в Западном крае питают фанатизм молодежи и имеют над нею большую власть.¹⁰ По настоянию генерал-губернатора и при поддержке попечителя округа 14 ноября 1833 г. состоялось высочайшее повеление изыскать способы устройства и средства содержания института в Киеве. В 1834 г. был утвержден его устав, и в 1838 г. состоялось открытие Киевского женского института благородных девиц, цели которого в мемориале от 28 марта 1839 г. четко определил генерал-губернатор Д. Г. Бибииков. Он надеялся, что благодаря воспитательному и учебному процессу в институте “молодые польки внедрятся в российское общество” и таким образом будет создана практическая альтернатива

⁸ Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева. Среднее женское образование в России. Москва, 2009. С. 66.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

вредному, как он считал, образованию в частных пансионах и при римско-католических монастырях.¹¹

Инициативы киевских генерал-губернаторов по использованию женского образования в сфере национальной политики нашли “живой отклик”, а точнее совпали с доктриной “охранительного просвещения”, которая окончательно оформилась в стройную идеологию под пером графа С. С. Уварова, занявшего в 1833 г. пост министра народного просвещения. Цель этой идеологии формулировалась следующим образом: “Завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени образование правильное, основательное, необходимое в каждом веке, с глубоким убеждением и теплой верой в *истинно русские охранительные начала Православия, Самодержавия и Народности*, составляющие последний якорь нашего спасения и важнейший залог силы и величия нашего Отечества”.¹² Сформированная Уваровым доктрина “охранительного просвещения” предусматривала конкретную программу действий, среди которых, наряду с централизацией управления школьным делом, жестким сословным разграничением различных видов образования и типов школ, предусматривалось подчинение частных учебных заведений строгому правительственному надзору и прямое вмешательство государства в домашнее образование, а также преобразование “учебного дела” на окраинах в общегосударственном духе. Иначе говоря, в 1830-е годы был сформулирован новый, *национальный*, аспект правительственной политики в области женского образования, для реализации которого Николай I в 1834 г. поручил Уварову разработать меры по воспитанию женщин в западных губерниях соответственно видам и задачам правительства. В 1835 г. Н. А. Протасов, которому предполагалось поручить вакантную на тот момент должность попечителя Белорусского (Виленского) учебного округа,¹³ заключил, что “дух, враждебный правительству и русской народности, распространен и в

¹¹ Andrzej Nowak. Generała Bibikowa walka z “nierozsądną narodowością polską” // Andrzej Nowak. Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku. Krakow, 1998. S. 36.

¹² Э. Д. Днепров. Самодержавие и народное образование в пореформенной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций. Москва, 1984. С. 58-59.

¹³ Однако 24 февраля 1836 г. Н. А. Протасов был назначен исполняющим обязанности обер-прокурора Святейшего Синода, членом Комиссии духовных училищ.

женских школах”.¹⁴ Это еще более убедило Уварова в необходимости вмешаться в сферу женского образования, о чем министр народного просвещения решил посоветоваться с местными чиновниками. Однако местная администрация Белорусского (Виленского) учебного округа оказалась не столько единодушна в своих оценках, как местные чиновники Киевского учебного округа, хотя социальная роль женщины в национальной политике понимались ими одинаково.

Генерал-губернатор Н. А. Долгоруков и попечитель Белорусского (Виленского) учебного округа Е. А. Грубер, представившие проекты преобразований в сфере женского образования, имели в виду только дворянок, место которых они видели в семье в качестве матерей, жен и домохозяйек.¹⁵ По словам Долгорукова, “воспитание девиц высших состояний весьма важно. Сделавшись матерями, они воспитывают поколения в духе польского провинциализма, под именем любви к отчизне возжигают в них ненависть к Правительству и мечты революционные”.¹⁶ Грубер выражался похожим образом: “...благородные девицы – это будущие матери, воспитательное влияние которых особенно велико в семействах и, даже замечу, в некоторых превосходит влияние отца. Нередко именно через матерей в свет выходят поколения, исполненные понятий ложных и ненависти к России”.¹⁷ Неудивительно, что оба чиновника пришли к общему выводу: до тех пор, пока посредством воспитательной роли матери “русский язык и русские чувства не проникнут в семьи высшего сословия, край не обрусееет совершенно”.¹⁸

Логика достижения этой цели, предложенная генерал-губернатором Долгоруковым, была довольно ясна и проста. Главные очаги “польского духа” – школы при женских римско-католических монастырях и частные женские пансионы – следовало исключить из официальной системы образования, а воспитание девиц высшего сословия поручить ведомству императрицы Марии. В Вильне, Ковно, Гродно и Минске следовало учредить институты благородных девиц по примеру действовавших в Петербурге и Москве, с соответствующей программой

¹⁴ 2 ноября 1835 г. Об осмотре графом Протасовым учебных заведений Белорусского учебного округа // Дополнение к сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. Санкт-Петербург, 1867. С. 482.

¹⁵ Записка Н. А. Долгорукова о преобразовании женского воспитания в Северо-Западном крае от 27 августа 1836 года // LVIA. Ф. 378. BS. 1836 г. Д. 1466. Л. 24; Записка Е. А. Грубера от 28 января 1837 г. // Там же. Л. 52.

¹⁶ Записка Н. А. Долгорукова. Л. 24.

¹⁷ Записка Е. А. Грубера. Л. 52.

¹⁸ Записка Н. А. Долгорукова. Л. 24; Записка Е. А. Грубера. Л. 52.

обучения и преподавательским персоналом, “русским по чувствам и духу”.¹⁹ По мнению Долгорукова, лишь при таких условиях можно было не сомневаться в “правильном воспитании будущих матерей”.²⁰

Попечитель учебного округа Грубер, в отличие от Долгорукова, владел более основательным знанием местной социокультурной среды. Он предложил более гибкую стратегию преобразования женского образования, назвав ее стратегией “спрятанной карты”.²¹ Грубер довольно отчетливо видел разницу в потребностях мужского и женского образования, даже если речь шла об одном и том же социальном слое: “...если богатые и богатейшие семейства не могут обойтись без образования, необходимого их общественности, и поэтому отпускают мальчиков в учебные заведения, то в отношении воспитания дочерей они такой необходимости не имеют”.²² Он заметил, что дворянки в основном воспитываются в семье и только постепенно, и лишь небольшая их часть, поступая в школы при монастырях и частные пансионы, “вырывается из-под опеки матери”. Поэтому, по мнению попечителя, местная администрация должна была в первую очередь содействовать развитию системы женского образования: “Теперешняя главная наша цель – это вывести девиц из семьи. Только извне мы сможем овладеть чувствами и умом девиц. Но делать мы это должны чрезмерно осторожно”.²³ Радикальные действия властей, по мнению Грубера, могли привести к прямо противоположному результату, т.е. “закрыть женское образование дома”. Тогда влиять на него будет невозможно. Соответственно Грубер довольно скептически оценил проект Долгорукова и предложил не менять существовавшую систему женского образования. В случае же учреждения институтов благородных девиц попечитель предлагал оставить польский язык как предмет и язык преподавания, а при подборе преподавательского персонала принимать и лиц римско-католического вероисповедания. В институтах, так же как и в школах при монастырях и в частных пансионах, он предлагал преподавать по-русски лишь собственно русский язык, литературу и историю. По мнению Грубера, только когда число воспитывающихся в женских учебных заведениях значительно возрастет, следовало пере-

¹⁹ Русский язык должен был стать языком преподавания, преподавательский персонал назначаться из лиц православного исповедания.

²⁰ Записка Н. А. Долгорукова. Л. 24; Записка Е. А. Грубера. Л. 52.

²¹ Записка Е. А. Грубера. Л. 52.

²² Там же. Л. 53.

²³ Там же.

ходить к более радикальным мерам, приближая женское образование к стандартам мужских средних учебных заведений.²⁴

Следует отметить, что министр просвещения Уваров принял во внимание оба проекта, пытаясь стимулировать два параллельных процесса: заложить основы государственного женского образования и в то же время содействовать развитию частной инициативы. К примеру, уваровский проект устава центрального Виленского женского института благородных девиц для губерний Северо-Западного края требовал, чтобы его начальница исповедовала православную веру. Однако помощница начальницы и одна из классных дам должны быть уроженками западных губерний римско-католического исповедания, “дабы и в религиозном отношении отклонить всякий повод к недоверчивости” институту.²⁵ Правда, Николай I посмотрел на это положение жестче. Его резолюция на проекте устава гласила: “Нахожу удобнее поместить заведение сие в Белостоке, где дворец на сие могу отдать. Как начальница, так и всем классным дамам быть непременно русскими, иначе цель не достигается”.²⁶

Прислушался Уваров и к мнению бывшего попечителя Белорусского (Виленского) учебного округа Г. И. Карташевского, считавшего, что закрытие школ при женских монастырях может стать источником недовольства местного общества: “...в таком близком времени после упразднения великого числа школ при римско-католических мужских монастырях закрытие школ при женских монастырях проведет большой ропот в Вильно и других местах”.²⁷ В итоге школы при женских монастырях были переданы в ведение учебного округа, начальство которого должно было выработать новые принципы воспитательного и учебного процесса.²⁸

Двойственной была политика Уварова и в отношении частных женских пансионов. Напомним, что вскоре после назначения министром просвещения Уваров представил Николаю I доклад, в котором

²⁴ Там же.

²⁵ Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева. Среднее женское образование в России. С. 66.

²⁶ Там же.

²⁷ Записка Г. И. Карташевского от 24 февраля 1835 года С. С. Уварову // LVIA. Ф. 1135. Оп. 4. Д. 153. Л. 1-2.

²⁸ 6 июня 1835 г. О подчинении девичьих пансионов, содержимых женскими католическими монастырями, надзору светского училищного начальства // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: Царствование императора Николая II. 1825–1855. Отд. первое: 1825–1839. Санкт-Петербург, С. 730.

очерчивал четыре основных направления ужесточения политики по отношению к частным школам: 1) “впредь до усмотрения особой надобности” остановить открытие частных пансионов в столицах; 2) в других городах разрешать их открытие лишь в том случае, если “не представляется другой возможности к образованию юношества в казенных учебных заведениях”; 3) разрешать устройство частных пансионов и школ лишь русским подданным; 4) установить за этими школами и пансионами особый строгий надзор. На этом докладе император начертал: “Совершенно согласен и давно о сем помышлял”.²⁹ Запрет на открытие частных учебных заведений существовал почти четверть века и был отменен Александром II только 17 января 1857 г. Однако в Северо-Западном крае Уваров не спешил прекращать деятельность частных женских пансионов. Видимо, он был согласен с мнением Грубера, что одной из основных задач властей является содействие развитию системы женского образования с целью выведения “ее из-под опеки матерей”. Поэтому лица, исповедовавшие римско-католическую веру, могли почти беспрепятственно учреждать новые учебные заведения (проверялось только их участие в восстании), а создание “образцовых пансионов”³⁰ с выделением им пособия от казны должно было производиться на базе частных женских пансионов и школ. Кроме того, Уваров не мешал Груберу, который при подборе кандидатов на роль образцовых пансионов не придавал значения вероисповеданию их содержателей.³¹ Образцовые пансионы пользовались особой популярностью среди местного общества. Этому способствовал и тот факт, что в образцовых пансионах, так же как и в частных, польский язык остался языком и предметом обучения (число уроков польского языка не было сокраще-

²⁹ Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева. Среднее женское образование в России. С. 66.

³⁰ В 1837 г. по повелению императора началось создание “образцовых пансионов” в Вильно, Витебске, Минске, Гродно, Белостоке, Киеве, Виннице, Житомире, Ровно и Каменец-Подольске с целью “восполнить недостаток учебных заведений для образования девиц в Западном крае”. Каждому из них назначалось пособие от казны в 1,5 тыс. рублей в год.

³¹ В Вильно в образцовый пансион был преобразован частный пансион, содержавшийся Петром и Констанцией Рабцевичами, исповедовавшими католическую веру (см.: LVIA. Ф. 1135. Оп. 4. Д. 146. Л. 10-15), в Минске – католичкой Доминикой Монтегранди, в Гродно – также католичкой Люцией Блышаковой (см.: Там же. Ф. 567. Оп. 2. Д. 3567. Л. 10-11). В Могилеве содержательницей образцового пансиона была утверждена католичка Эмилия Лапицка, а в Витебске – Юлия Яновская (см.: Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 290. Л. 20. – Далее – НИАБ).

но). Как и в частных пансионах, по-русски там преподавались только русский язык, история и география.³² Ведомство учебного округа не вмешивалось в состав преподавателей как образцовых, так и частных женских пансионеров.

Таким образом, образовательная политика Уварова по отношению к женскому образованию в Северо-Западном крае характеризовалась противоречивостью. С одной стороны, она закладывала основы государственной системы женского образования с соответствующей воспитательной и учебной программами, с другой – частное женское образование не испытало радикальных изменений. Поэтому довольно сложно говорить о результатах правительственной политики. Сами чиновники уже в 1840-е гг. заметили ее “изъяны”, но не спешили с корректировками. К примеру, когда в ноябре 1842 г. местным чиновникам поручили найти замену закрываемым школам при женских монастырях в Гродненской, Минской и Виленской губерниях, Уваров, как и Грубер, и новый генерал-губернатор Ф. Я. Миркович признали, что насаждение “русского” женского образования в Западном крае не дает ожидаемых результатов. По мнению Мирковича, хотя в образцовых пансионах “девочки и учились русскому языку, но по чувствам оставались не русские”, поэтому следовало учредить институты благородных девиц, в которых преподавание велось бы на русском языке, преподавателями были бы лица “истинно русские – т.е. православного исповедания”.³³ Таким образом он надеялся переломить ситуацию, когда “молодые люди почувствовали значение образования... усердно учатся, выучивают русский язык, сливаются с русским юношеством. Но все эти благие начала распространения русского начала уничтожаются, когда они возвращаются и вступают в семью, где женщины не только не знают, но даже презирают русский язык”.³⁴ Грубер также признавал, что образцовые пансионы не полностью отвечали поставленной цели – “воспитать девиц по чувствам русских”.³⁵ Однако он настаивал на собственной стратегии, считая предложенные Мирковичем радикальные меры преждевременными. Кроме того, попечитель отметил, что

³² Положение об образцовых пансионах для образования благородных девиц // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. XXV. С. 54.

³³ Записка Ф. Я. Мирковича от 1 июня 1843 года министру просвещения // LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5050. Л. 9.

³⁴ Там же.

³⁵ Записка Е. А. Грубера от 6 июня 1843 г. Ф. Я. Мирковичу // Там же. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5050. Л. 35.

в школах при женских монастырях соотношение дворянок и мещанок постепенно менялось в пользу последних, и призвал власти обратить внимание и на образование девиц из низших слоев. Вместо школ при монастырях он предлагал учредить образцовые пансионы для девиц среднего состояния и школы для бедных девиц.³⁶ К концу своего пребывания на министерском посту Уваров и сам был склонен признавать не состоятельность своей политики в Северо-Западном крае, но продолжал поддерживать идеи Грубера.³⁷ В 1843 г. в Вильно открылся образцовый пансион для девиц среднего состояния, а в других губернских городах округа – школы для первоначального обучения девиц бедного состояния из свободных сословий. Как и в предшествующий период, основные принципы воспитания и преподавания в этих учебных заведениях не менялись, за исключением некоторого сокращения уроков польского языка. Однако девочки все равно занимались польским значительно больше, чем мальчики в соответствующих мужских учебных заведениях.

В 1840–1850-е гг. вопросы женского образования в Северо-Западном крае поднимались лишь в чрезвычайных случаях. К примеру, такую необходимость спровоцировал инцидент в 1847 г. в Виленском образцовом пансионе для девиц среднего состояния, который содержался на казенные средства. Ученица третьего класса Анеля Бокшанска в своем дневнике описала краковские события 1846 г. и пренебрежительно отозвалась о русском народе.³⁸ Дневник попал в руки генерал-губернатора, и пансион был немедленно закрыт. Его заменил казенный образцовый пансион, в котором впервые было введено преподавание на русском языке, а число уроков польского языка соответствовало числу тех же уроков в мужских уездных училищах.³⁹ Преподаватели

³⁶ Там же. Л. 36.

³⁷ Подробнее см.: Копия распоряжения Министерства просвещения от 24 июля 1843 г. попечителю Белорусского (Виленского) учебного округа // Там же. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5050. Л. 38; Положение о Виленском образцовом пансионе для образования девиц среднего состояния // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. XXXIX. С. 56; Положение о школах, учреждаемых в Белорусском учебном округе для начального образования бедных девиц // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Ч. XL. С. 40.

³⁸ Выписки из дневника Анели Бокшанской // LVIA. Ф. 567. Оп. 2. Д. 5957. Л. 14-18. Также отрывки из дневника Анели Бокшанской были опубликованы в статье: С. Шолкович. Польская пропаганда в учебных заведениях Северо-Западного края // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России, Вып. I. Составил и издал С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 297-299.

³⁹ Положение о Виленском казенном образцовом пансионе для благородных девиц. Вильна, 1848. С. 10.

подбирались предпочтительно из лиц православного исповедания.⁴⁰ Однако положение в других женских школах оставалось прежним, и потому казенный образцовый пансион выглядел “белой вороной”. В нем в основном учились дочери православных священников и чиновников, а Министерству просвещения приходилось постоянно выделять дополнительные средства на его поддержание.⁴¹

Вопрос об обновлении государственного женского образования в Северо-Западном крае вновь встал в конце 1850-х гг., когда в Российской империи разрабатывалась идея открытой, всесословной, “приближенной к гимназиям” женской средней школы. Следует отметить, что генерал-губернатор В. И. Назимов, несмотря на возражения попечителя Виленского учебного округа Е. В. Врангеля,⁴² сразу подхватил эту идею, которая, с одной стороны, по его мнению, отвечала интересам местного общества, а с другой стороны, могла быть неплохо использована в интересах властей. Однако Назимову пришлось разочароваться в своих планах. В начале 1850-х гг. представители дворянства Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний начали самостоятельный сбор денежных средств на учреждение женских учебных заведений, уровень обучения в которых обещал быть выше, чем в частных пансионах. Однако в конце 1850-х гг., когда инициатива стала исходить от имперских властей, они отказались поддержать женские гимназии своими средствами. Неожиданно уровень образования в частных пансионах вновь стал “удовлетворять” дворян.⁴³ В Вильно,

⁴⁰ Отчет о деятельности Виленского казенного образцового женского пансиона за 1849 учебный год // LVIA. Ф. 571. Оп. 1. Д. 191. С. 3; Отчет о деятельности Виленского казенного образцового женского пансиона за 1850 учебный год // Там же. Ф. 567. Оп. 21. Д. 2. Л. 6; Отчет о деятельности Виленского казенного образцового женского пансиона за 1852 учебный год // Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 241. Л. 1; Отчет о деятельности Виленского казенного образцового женского пансиона за 1856 учебный год // Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 270. Л. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Е. В. Врангель считал, что дворянство отдаст предпочтение частным женским пансионам, в учебном процессе которых не произошло особых изменений. Поэтому он не видел особой необходимости в учреждении женских гимназий в округе. Подробнее см.: Записка Е. В. Врангеля от 28 марта 1856 года Министерству народного просвещения об учреждении женских гимназий в Виленском учебном округе // LVIA. Ф. 567. Оп. 3. Д. 312. Л. 8.

⁴³ Копия постановления Виленского дворянского собрания от 8 июня 1858 года // Там же. Ф. 378. BS. 1858 г. Д. 703а. Л. 31; Копия постановления Ковенского дворянского собрания от 28 июня 1858 года, л. 39; Копия постановления Гродненского дворянского собрания от 24 июля 1858 года. Л. 41.

Ковно и Гродно женские гимназии были учреждены при финансовой поддержке ведомства императрицы Марии, которое, подобно Назимову, стремилось привлечь в гимназии как можно больше представителей местного общества, исповедовавших римско-католическую веру, поэтому в учебных планах женских гимназий значилось вдвое больше уроков польского языка, чем в мужских. Преподавателями (кроме русского языка, истории и географии) и гувернантками там также служили католики и католички.⁴⁴ Тем не менее число учениц в женских гимназиях не росло. Сам генерал-губернатор Назимов в секретной записке в ведомство императрицы Марии от 24 декабря 1862 г. подвел выразительный итог политики властей в сфере женского образования в период между восстаниями: "...здесь, в Западном крае, несмотря на все наши усилия, мы потерпели фиаско. Женское образование, а, значит, в некоторой степени и воспитание поколений осталось в руках общества, матерей, дух и чувства которых остались нам все-таки неподвластны".⁴⁵

“Женщина – полька, жмудинка, белоруска и еврейка... это различные женщины...”

После восстания 1863–1864 гг. местных чиновников Северо-Западного края уже не приходилось убеждать в необходимости радикальных перемен в системе женского образования. Вопрос женского образования утвердился как часть национальной политики. Кроме того, развитие общественной мысли и реформы 1860-х гг. выдвинули на передний план в общеимперских дискуссиях задачу “воспитания истинно русской женщины”.⁴⁶ Местная администрация получила зеленый свет на любые

⁴⁴ Учебные программы в женских гимназиях Виленского учебного округа в 1860–1862 гг. // LVIA. Ф. 378. BS. 1862 год. Д. 639. Л. 30; Отчет о деятельности Виленской женской гимназии за 1861 учебный год // Там же. Ф. 378. BS. 1861 год. Д. 654. Л. 7-8; Отчет о деятельности Ковенской женской гимназии за 1861 учебный год // Там же. Ф. 378. BS. 1861 год. Д. 654. Л. 9-10; Отчет о деятельности Гродненской женской гимназии за 1861 учебный год // Там же. Ф. 378. BS. 1861 год. Д. 654. Л. 11-15; Отчет о деятельности Виленской женской гимназии за 1862 учебный год // Там же. Ф. 378. BS. 1862 год, Д. 639. Л. 14-15; Отчет о деятельности Ковенской женской гимназии за 1862 учебный год // Там же. Ф. 378. BS. 1862 год. Д. 639. Л. 17-18; Отчет о деятельности Гродненской женской гимназии за 1862 учебный год // Там же. Ф. 378. BS. 1862 год. Д. 639. Л. 20-21.

⁴⁵ Записка В. И. Назимова от 24 декабря 1862 года ведомству императрицы Марии // Там же. Ф. 378. BS. 1858 г. Д. 703 в. Л. 158.

⁴⁶ Подробнее см.: Bianka Pietrow-Ennker. Russalands “neue Menschen”. Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt-am-Main, 1999. S. 157-158.

инициативы по реализации этого идеала. В 1860-е гг. политическая стратегия в сфере женского образования определялась уже не местной спецификой и популярностью тех или иных образовательных форм в местном обществе, но более универсальными принципами идентификации различных социальных и этноконфессиональных групп Северо-Западного края, которые теперь прилагались и к представительницам женского пола.

Как уже упоминалось, М. Н. Муравьев включил в символический образ восстания 1863–1864 гг. женщину-польку, что почти неизбежно означало католичку и дворянку. В связи с этим Долбилов отмечал, что демонизация польки-католички вообще была одним из самых эмоционально окрашенных и массовых проявлений русской полонофобии, особенно после разделов Польши.⁴⁷ Визуализация Польши через образы “низкой” женской природы служила не вполне рационализированным, но, видимо, действенным оправданием присоединения этой страны к империи, отказа полякам в национальной независимости, а затем и автономии.⁴⁸ В соответствии с такой установкой, как считает Долбилов, образованная полька представала как источник настроений, приведших к мятежу.⁴⁹ Поэтому Муравьев считал важным издать получивший широкий резонанс циркуляр о запрете женщинам публично носить траур. Согласно этому документу от 31 мая 1863 г., массовое публичное ношение женщинами “черных платьев с плезезами и без оных, черных шляпок с белыми султанами”, а также “условных революционных принадлежностей туалета”, т.е. пряжек с соединенным гербом Польши и Литвы, переломленных крестов в терновом венке (символ преследования римско-католической церкви в империи) и проч. считалось “преступной манифестацией”. Циркуляр признавал женщину полноценным субъектом мятежа, сполна несущим ответственность за свои действия: нарушительницы запрета, “без различия звания, состояния и национальности”, подлежали штрафу, а случае злостного упорства – аресту “для поступления с ними как с соучастницами в мятеже”.⁵⁰ Другая серия запретительных циркуляров Муравьева свидетельствует о том, как генерал-губернатор понимал влияние польки в семье и обществе и старался оградить от него одну из своих главных опор в Северо-Западном крае – чиновников православного вероиспо-

⁴⁷ М. Д. Долбилов. Конструирование. С. 360.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 363.

ведения. Распоряжение Муравьева от 20 июля 1864 г. предписывало местному начальству всячески противиться намерениям чиновников, приехавшим в Литву или Белоруссию из Центральной России, жениться на “здешних уроженках”, ибо “опыт указал, до какой степени вредна” такая практика. Помимо использования своего формального права не давать служащим разрешения на брак, начальство должно было исподволь поощрять браки чиновников с православными женщинами, “для чего можно будет давать им отпуска”.⁵¹ Кроме того, сокращая размер специального штрафного сбора с каждого имени помещиков не поляков (июль 1863 г.), генерал-губернатор предупреждал нижестоящие органы о том, что, “к сожалению, есть в здешнем крае помещики не польского происхождения, которые по слабодушию своему, женитьбе на польках и родственных связях с поляками, подчиняются требованиям революционной партии”. На таковых, разумеется, льгота не распространялась.⁵²

Та же тенденция на борьбу с влиянием лиц “польского происхождения” отчетливо проявилась в действиях Муравьева в сфере женского образования. В августе 1863 г. он лично обратил внимание попечителя Виленского учебного округа А. П. Ширинского-Шихматова на женские гимназии и частные пансионы, требуя немедленно разработать способы борьбы с “польским духом” в этих учебных заведениях.⁵³ Ширинский-Шихматов предложил изменить учебный процесс в женских гимназиях: польский язык как предмет обучения устранить из учебных программ, запретить преподавание религии на польском языке и заменить польский педагогический персонал.⁵⁴ Эти меры Муравьев одобрил и с особым рвением стал их осуществлять.⁵⁵

В начале 1864 г. он решил “прощупать почву” и в частных женских пансионах. Недавно занявший пост попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилов должен был представить списки учителей и учениц частных женских пансионов с указанием их религиозной и

⁵¹ Там же. С. 365.

⁵² Там же.

⁵³ Распоряжение М. Н. Муравьева от 13 августа 1863 года А. Ширинскому-Шихматову // LVIA. Ф. 567. Оп. 3. Д. 1175. Л. 1.

⁵⁴ Записка А. Ширинского-Шихматова от 2 сентября 1863 года М. Н. Муравьеву // Там же. Ф. 378. BS. 1863 год. Д. 857. Л. 1.

⁵⁵ К началу 1863/64 учебного года педагогический персонал в женских гимназиях был заменен лицами православного исповедания. Предмет польского языка исключен из программ обучения. Методические пособия на польском языке заменены соответствующими на русском языке.

сословной принадлежности и, таким образом, опровергнуть или подтвердить дошедшие до Муравьева “слухи, что воспитание в пансионах не мало не соответствует тому направлению, которое необходимо по настоящему положению края и не согласовано с целями и видами правительства”.⁵⁶ Корнилов же, в свою очередь, обратился за помощью к инспектору округа В. П. Кулину, “признавая необходимым находящиеся в Вильно частные женские школы и пансионы придать самому внимательному надзору со стороны не только учебной и наружного порядка, но и по нравственному влиянию, которое оказывают воспитатели на вверенных им детей”.⁵⁷ Именно Кулин впервые выдвинул идею о том, что радикального вмешательства требуют не только организация учебного процесса и подбор педагогического состава пансионатов. Нужно тщательно отбирать их содержателей, поскольку те “переносят в восприимчивую натуру девиц польский дух”.⁵⁸ Корнилов развил эту идею. В своей записке Муравьеву и министру народного просвещения от 10 мая 1864 г. он заявил: “...нельзя положиться вполне ни на одну содержательницу польского происхождения. Как бы действия ее ни были бы по виду безукоризненны, как бы велика ни казалась ее готовность следовать указаниям и требованиям власти, в сущности, она не может сделаться воспитательницей русской по чувствам и мыслям, но остается польскою по всему складу своих убеждений, поборницей польских идей и симпатий, которые, не смея высказывать публично, втихомолку вознаграждают себя с избытком за это принуждение и путем ежедневных сношений проникают в восприимчивую натуру воспитанниц. Таким образом на одном и том же месте в одном и том же заведении совершаются одновременно две работы, даются два не похожие друг на друга воспитания: одно – явное, официальное, подлежащее наблюдению власти; другое – тайное, ускользающее от правительственного внимания; одно – русское, внешнее, декоративное; другое – польское, лежащее в основу жизненных убеждений молодого поколения”.⁵⁹ В данной ситуации Корнилов полагал “не оставаться в

⁵⁶ Распоряжение М. Н. Муравьева от 2 марта 1864 г. И. П. Корнилову // LVIA. Ф. 567. Оп. 1. Д. 233. Л. 8.

⁵⁷ И. П. Корнилова письмо от 23 марта 1864 г. В. Кулину. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее – РНБ РО). Ф. 377. Оп. 1. Д. 365. Л. 3.

⁵⁸ В. П. Кулина рапорт И. П. Корнилову от 15 апреля 1864 г. // LVIA. Ф. 567. Оп. 4. Д. 936. Л. 15.

⁵⁹ Записка И. Корнилова, предоставленная министру народного просвещения и главному начальнику Северо-Западного края о женском образовании (май 1864 г.) // Русское дело в Северо-Западном крае. Санкт-Петербург. 1902. С. 42; Представление

бездействию и не предпринимать никаких мер против зла очевидного и бесспорно невозможного”, а открыть на казенный счет несколько учебных заведений, в которых бы “образование не по одному имени, но и на самом деле было бы русское и сообщается людьми русского происхождения”.⁶⁰ Но такие половинчатые решения относительно частных женских пансионов не удовлетворили Муравьева. В записке “О некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края”, представленной императору 14 мая 1864 г., он предложил “деньги, оставшиеся от упразднения некоторых мужских гимназий употребить также ... на открытие нескольких женских гимназий, совершенно необходимых для распространения русской народности, и уничтожения частных пансионов, в коих сосредотачивается вредная язва польской фанатической пропаганды между женщинами”.⁶¹

Эти предложения Муравьева не были удовлетворены, но и процесс реорганизации пансионов остановлен не был. В соответствии с решением попечительского совета от 18 июня 1864 г. в частных женских пансионах вводился русский язык преподавания; русский язык, историю, географию и арифметику могли преподавать только педагоги православного или лютеранского исповедания, и при этом им полагалось руководствоваться методическими изданиями на русском языке.⁶² Несмотря на такие ограничения, повторная ревизия пансионов не дала оптимистических результатов. В январе 1865 г. Кулин снова констатировал, что “польский дух в пансионах не исчез, он передается тайно, а сами пансионы и дальше останутся польскими, пока ими будут руководить польки”.⁶³ Все это убедило Корнилова в необходимости ускорить принятие радикальных решений, т.е. полностью упразднить частные женские пансионы с заменой их казенными школами различного уровня, возглавляемыми “только лицами православного и самыми

от 10 мая 1864 г. И.П. Корнилова министру народного просвещения и главному начальнику Северо-Западного края // РНБ РО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 158. Л. 1-2.

⁶⁰ Отчет В. П. Кулина об осмотре частных женских пансионов в г. Вильно от 14 января 1865 года // LVIA. Ф. 567. Оп. 4. Д. 936. Л. 61.

⁶¹ Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края (подана 14 мая 1864 г.) // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. II. Составил и издал С. Шолкович. Вильно, 1887. С. 312.

⁶² Решение попечительского совета от 18 июня 1864 г. // LVIA. Ф. 567. Оп. 1. Д. 233. Л. 16.

⁶³ В. Кулина письмо И. П. Корнилову (14 января 1865 г.) // Там же. Ф. 378. BS. 1863 г. Д. 857. Л. 79.

благонадежными лютеранского исповедания”.⁶⁴ Это предложение попечителя, тем не менее, надолго застряло в Министерстве народного просвещения, по мнению которого потребность женского населения Северо-Западного края в образовании могли полностью удовлетворить гимназии и начальные школы.⁶⁵ Только при содействии генерал-губернатора К. П. Кауфмана, который полностью поддерживал Корнилова в вопросе учреждения “русских по духу” пансионов,⁶⁶ в конце 1866 г. средства упраздненных мужских гимназий в Свенцянах, Новогрудке и прогимназии в Тельшах были переданы на учреждение этих учебных заведений.⁶⁷ Таким образом, женщины “польского происхождения”, так же как и мужчины, окончательно лишись права участвовать в учебном процессе как учителя. Доступной оставалась только сфера домашнего образования, хотя делались попытки ограничить и ее.

В сентябре 1865 г. Корнилов попытался запретить “лицам польского происхождения и католического исповедания” сдавать экзамены на получение права первоначального и домашнего образования.⁶⁸ В “Вестнике Западной России”, позиция которого иногда совпадала с позицией местных властей, был представлен яркий пример деятельности такой “наставницы латино-польского происхождения, которая, если не в присутствии родителей, то наедине, разными сарказмами и софизмами ощипывала в молодом сердце ростки привязанности к нашей вере и народности (т.е. православной вере и русской народности. – *О.М.*) и очень часто с успехом выполняла возложенную на нее ксендзом или внушенную собственным фанатизмом миссию. ... В результате мы не узнаем прежних *Агафий* и *Лиз*, они переродились в

⁶⁴ 31 августа 1866 г. Представление И. Корнилова виленскому генерал-губернатору о закрытии гимназий Свенцянской и Новогрудской и прогимназии Тельшевской и об открытии в Виленском учебном округе женских учебных заведений // Русское дело. С. 107; 31 октября 1866 г. Представление И. Корнилова министру просвещения Д. А. Толстому об усилении женского воспитания в крае // Русское дело. С. 117.

⁶⁵ Копия записки Д. А. Толстого от 28 ноября 1866 года И. Корнилову // LVIA. Ф. 567. Оп. 3. Д. 1698. Л. 159.

⁶⁶ К. П. Кауфмана записка от 6 декабря 1866 г. Д. А. Толстому // Там же. Ф. 567. Оп. 3. Д. 1698. Л. 189.

⁶⁷ В 1868–1869 гг. 4-классные женские пансионы были учреждены в Бресте, Бобруйске, Вильно, Динабурге и Шауляе, 2-классные во всех губернских городах Виленского учебного округа, одноклассные – во всех уездных городах округа.

⁶⁸ И. П. Корнилова письмо М. Н. Муравьеву (сентябрь 1865 г.) // РНБ РО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 371. Л. 2.

Агат и Эльжбет".⁶⁹ Несмотря на популярность подобных стереотипов, Комитет министров не посчитал необходимым ввести запрет на профессию домашнего учителя для поляков-католиков. Формально лица, исповедовавшие католическую веру, как мужчины, так и женщины, могли и дальше работать педагогами в частных домах.⁷⁰

Логика действий местной администрации в сфере женского среднего образования показывает, что власть не видела возможности ассимилировать как женщин, так и мужчин "польского происхождения" и старалась как можно эффективнее оградить от их культурного влияния остальные слои общества. При этом имперские власти не делали ставку и на женщин из крестьянского сословия, национальную принадлежность которых местные чиновники в основном определяли либо по этническому происхождению и родному языку, либо по конфессиональному признаку. Правда, близкий властям "Вестник Западной России" женщину из крестьянской среды, отождествляемую с жмудиной и белоруской, представлял иначе, нежели женщину-польку. Авторы этого издания не сомневались, что "жена простолюдина – жмудина или белоруса сможет сохранить русское начало в семье, воспитывать в русском духе и сделать из дитяти человека сознательно русского".⁷¹ Однако важным условием успеха все равно признавалось стремление к тому, чтобы "девочки из крестьянского сословия, так же как и мальчики, были воспитываемы в русском духе" в "начальных школах".⁷² Не случайно попечитель Корнилов также уделял особое внимание и женскому начальному образованию.

Во "Временных правилах для народных школ в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской", утвержденных 23 марта 1863 г., речь шла о совместном обучении полов.⁷³ В

⁶⁹ Нечто об училищах для девиц духовного звания (по поводу газетных толков об этом предмете) // Вестник Западной России. 1866. Т. III. Кн. 8. Отд. III. С. 13-28. Также Andrzej Tichomirow. "Wiestnik Zapadnoj Rossii": oświata w kontekście idei "zachodniorusizmu" (1862–1866) // Rozprawy z dziejów oświaty. 2006. T. XLV. S. 297.

⁷⁰ Staliūnas. Making. P. 95.

⁷¹ С. Еремеев. Замечания по поводу вопроса о народных у нас школах // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Т. II. Кн. 6. С. 218; Письмо из Полоцка в газ. "День" // Вестник Западной России. 1866. Т. I. С. 403.

⁷² Там же.

⁷³ Временные правила для народных школ в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилёвской, Витебской // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. III: царствование императора Александра II (1855–1864). Санкт-Петербург, 1865. С. 859.

рамках этой формы обучения И. П. Корнилов просил Министерство народного просвещения о выделении имеющихся в распоряжении свободных финансовых средств на пособия женам православных священников, которые могли бы в общих начальных школах преподавать девочкам русский язык и рукоделие.⁷⁴ Министерство не спешило отвечать Корнилову, так как в то же время решало вопрос финансирования женских начальных школ во всей империи. 15 июня 1865 г. были выделены средства на содержание женских смен при общих начальных школах, а учреждение отдельных начальных женских школ было предоставлено инициативе местного общества.⁷⁵ В дополнение Корнилов выпустил особый циркуляр для учителей начальных школ вверенного ему края: «Важнейшая обязанность в семье – это доброе воспитание детей. А почти весь труд по воспитанию детей принадлежит на долю не отца, а матерей. Поэтому, имея в виду нравственно-религиозное воспитание народа, главная задача приготовить умных и добрых матерей семейства. Наставнику необходимо заботиться, чтобы как можно больше девочек училось в учебных заведениях».⁷⁶ Кроме того, Корнилов заложил основы подготовки преподавательских кадров для женских начальных учебных заведений: в 1867 г. в Вильно было открыто рукодельное училище для девиц старшего возраста с двухгодичным курсом обучения. Его выпускницы – девушки исключительно православного исповедания – имели право преподавать в женских начальных школах.⁷⁷ Кроме того, с января 1867 г. в Виленском училище для девиц духовного звания было введено преподавание педагогики, а выпускницы тоже получили право преподавать в начальной школе.⁷⁸ Таким образом, можно утверждать, что Корнилов и его единомышлен-

⁷⁴ Общий отчет о состоянии учебных заведений в Виленском учебном округе за 1864 учебный год // И. П. Корнилов. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863–1864 гг. Санкт-Петербург, 1898. С. 74.

⁷⁵ С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. Санкт-Петербург, 1902. С. 546.

⁷⁶ Несколько советов наставникам народных училищ // Циркуляр по управлению Виленским учебным округом. 1867. № 1. От. 2. С. 4.

⁷⁷ В училище преподавали русский язык, словесность, историю, географию, арифметику, чистописание и рукоделие, принимались девочки старше 14 лет только православного исповедания. Подробнее см.: Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1868 г. // LVIA. Ф. 567. Оп. 5. Д. 1149. Л. 18.

⁷⁸ Подробнее см.: Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1868 г. // Там же. Ф. 567. Оп. 5. Д. 1149. Л. 25.

ники стремилось оградить и женщин низших классов от “польского влияния”, и потому в сфере начального образования они держалось той же линии, что и в отношении мужской части общества.

Следует заметить, что в 1860-е гг. местная администрация обратила внимание и на образование еврейских женщин. В период между восстаниями ведомство Белорусского (Виленского) учебного округа не вмешивалось в учебный процесс в еврейской среде. Частные женские еврейские пансионы разрешалось учреждать без каких-либо ограничений, их содержали еврейские общества из средств свечного сбора.⁷⁹ По общим правилам еврейки получали свидетельства домашних учительниц. Правда, экзамен Закона Божьего они сдавали в Виленском раввинском училище, а получив свидетельства домашних учительниц, могли преподавать только в еврейских семьях.⁸⁰ Первого ноября 1859 г. генерал-губернатор Назимов запретил еврейским девочкам посещать женские гимназии, но этот запрет следует оценивать не столько в контексте еврейской, сколько польской политики властей. Как уже упоминалось, желая привлечь как можно больше представительниц дворянского сословия в гимназии, Назимов шел на различные уступки как в организации учебного процесса, так и в подборе педагогического персонала. Видимо, “зная некоторое нерасположение местного христианского населения по отношению к евреям”, он решил не давать еще одного повода для бойкота дворянами женских гимназий. Однако он не учел стремление самих евреек к образованию. Ковенское еврейское общество обжаловало распоряжение Назимова ведомству императрицы Марии. Шестого октября 1861 г. еврейкам разрешили учиться в женских гимназиях Северо-Западного края,⁸¹ и число гимназисток-евреек стало расти довольно стремительно. Уже в 1862 г. еврейки составляли почти 68% от всех учащихся Ковенской женской

⁷⁹ Adler. In Her Hands. Pp. 49-50.

⁸⁰ Экзаменационный лист девиц еврейского исповедания на право первоначальной или домашней учительницы // LVIA Ф. 567. Оп. 6. Д. 195. Л. 7; Распоряжение министра просвещения от 4 ноября 1853 г. Виленскому генерал-губернатору // Там же. Ф. 567. Оп. 6. Д. 195. Л. 9.

⁸¹ Главный совет женских училищ мотивировал свое решение двумя причинами: женские гимназии предназначены для всех сословий; евреям в местах дозволенного им жительства не воспрещается отдавать своих детей для обучения и воспитания в учрежденные правительством или частными лицами общественные для христиан заведения. Подробнее см.: К истории женского образования в Западной России (Историческая записка ко дню 50-летия Виленской, Гродненской, Ковенской гимназий. 1860–1910). Составил И. Я. Киприянович. Вильно, 1910. С. 18-19.

гимназии.⁸² В январе 1862 г. по просьбе родителей еврейских девочек Назимов рассмотрел вопрос о введении в женских гимназиях преподавания Закона Божьего на еврейском языке. Опираясь на заключения директоров Виленской, Ковенской и Гродненской женских гимназий, он пошел навстречу просьбе родителей. Преподавателей должно было поставлять Виленское раввинское училище, а стоимость обучения Закону Божьему покрывать само еврейское общество.⁸³ Фрагментарность источников о деятельности женских гимназий между 1863 и 1869 гг. не позволяет ответить на вопрос, было ли распоряжение Назимова воплощено в жизнь, однако в 1870-х гг. родители еврейских учениц снова ставили этот вопрос. Как показал Сталюнас, в это время в средних учебных заведениях вообще значительно возросло число учеников-иудеев и их родители просили ввести преподавание иудейского Закона.⁸⁴ Кроме того, некоторые из них выступали за русский язык преподавания.⁸⁵ Однако разрешение на преподавание религии в средних учебных заведениях Виленского учебного округа было получено только в 1880 г. Иная ситуация сложилась в женских гимназиях ведомства императрицы Марии, где преподавание Закона Божьего на русском языке было введено уже в начале 1870-х гг.⁸⁶ Родители учениц-евреек обращались со своими просьбами непосредственно в ведомство императрицы Марии. Двадцать шестого марта 1869 г. управляющий ведомством П. Г. Ольденбургский, заручившись поддержкой генерал-губернатора А. А. Потапова, разрешил в учебных заведениях ведомства преподавание Закона Божьего на русском языке за счет специальных средств гимназий или родительской доплаты. Родители, ссылаясь на тяжелое финансовое положение, отказались от дополнительной платы. На некоторое время ситуацию спасло пожертвование Самуила Полякова, позволившее в течение пяти лет оплачивать услуги преподавателей религии из Виленского раввинского училища. Благодаря этому начиная с 1870/71 учебного года Закон Божий на русском языке был введен в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской женских гимназиях.

⁸² Отчет о деятельности Ковенской женской гимназии за 1862 учебный год // LVIA. Ф. 378. BS. 1862 год. Д. 639. Л. 17-18.

⁸³ Распоряжение В. И. Назимова от 28 января 1862 г. начальникам женских гимназий Виленского учебного округа // Там же. Ф. 378. BS. 1858 год. Д. 703. Л. 197.

⁸⁴ Staliūnas. Making. P. 225.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid. P. 226.

Следует отметить, что если в отношении образования женщин польского происхождения и женщин-крестьянок местная администрация имела более или менее четкую позицию, то в отношении женского еврейского образования, а точнее путей его преобразования, мнения расходились. Довольно ярким примером двойственной позиции местной администрации является обсуждение в 1869 г. вопроса об учреждении отдельных частных еврейских женских учебных заведений. Напомним, что в Виленском учебном округе евреям были доступны не только общие женские народные школы, женские смены при народных училищах, женские гимназии, но и возможность получить неполное среднее образование в частных женских еврейских пансионах. После восстания 1863–1864 гг. в этих пансионах языком преподавания (кроме Закона Божьего) стал русский.⁸⁷ Однако начальницами этих заведений, а значит, и руководительницами воспитательного процесса, остались лица еврейского вероисповедания. Таким образом, за частными женскими пансионатами остался статус отдельного еврейского учебного заведения. Этой относительной “свободой” (на фоне ограничений для лиц “польского происхождения”) поспешило воспользоваться еврейское общество. В 1867–1868 гг. дирекции училищ Ковенской, Виленской и Минской губерний были буквально завалены прошениями об открытии частных женских еврейских пансионов. Дирекции не знали, какое решение следует принять, и обратились к попечителю Виленского учебного округа П. Н. Батюшкову, который и сам не имел должного ответа. Двадцать пятого января 1869 г. он затребовал от директоров мужских гимназий и Виленского раввинского училища письменные заключения по вопросу, “насколько полезно и необходимо в округе учреждение особых женских еврейских заведений, не будет ли существование оных

⁸⁷ Следует отметить, что в преобразованиях “по-мураевски”, когда религиозное обучение оставалось вне сферы правительственного влияния, а упор делался на обучение евреев русскому языку, женскому еврейскому образованию тоже уделялось внимание. А. Ширинский-Шихматов 10 ноября 1863 г. утвердил программы обучения для одно-, двух- и четырехклассных женских еврейских частных пансионов, в которых все предметы, кроме Закона Божьего (язык преподавания Закона Божьего не был указан, но учебник, который были обязаны употреблять учителя на уроке религии, был на немецком языке – “Lehrbuch der israelitischen Religion”), должны были преподаваться на русском языке. Программы учебных предметов для женских еврейских школ Виленского учебного округа (утвержденные попечителем на заседании от 10 ноября 1863 г.) // LVIA. Ф. 567. Оп. 6. Д. 1005. Л. 2-4.

подрывом для других христианских заведений, куда не возбраняется вступать и девицам еврейского вероисповедания”.⁸⁸

Как и следовало ожидать, мнения разделились. Директора Витебской, Гродненской, Динабургской, Могилевской, Слуцкой мужских гимназий и Виленского раввинского училища считали, что учреждение отдельных женских еврейских учебных заведений полезно, если их оценивать как подготовительные для общих учебных заведений. Главный их аргумент был следующий: “...совершенно легче влияет на еврея, не знающего русского языка, еврей, знающий русский язык и еврейский жаргон. Таким образом, распространение знания русского языка в темной массе евреев достигается гораздо легче”.⁸⁹ Поэтому они предлагали разрешить учреждение отдельных женских еврейских подготовительных училищ. Другое мнение высказывали начальники Виленской первой и второй, Минской, Мозырской, Пинской, Ковенской и Шавельской мужских гимназий. Они считали, что отдельные еврейские женские училища послужат к “еще большему обособлению, исключительности и замкнутости еврейского племени”. Кроме того, они обратили внимание на распоряжение учебного ведомства, согласно которому “воспитателями юношества могут быть лица только природно русские”, а учреждение отдельных женских еврейских училищ противоречило этому распоряжению.⁹⁰ В итоге 1 июля 1869 г. попечитель Виленского учебного округа принял решение: “учреждать женские еврейские частные первоначальные училища для приготовления в общие женские учебные заведения, однако только в тех местностях, в которых нет возможности открыть общие начальные училища с женскими сменами”.⁹¹ При этом уже существовавшие отдельные частные женские еврейские пансионы упразднены не были.

* * *

Политика имперской власти в области женского образования в Северо-Западном крае в 1830–1860 гг. позволяет говорить о том, что в эти годы были выработаны принципы идентификации и классификации представительниц женского пола различных этноконфессиональных

⁸⁸ Копия записки попечителя от 25 января 1869 г. дирекциям училищ Виленского учебного округа // *Kauno apskrities archyvas* (далее – КАА). Ф. 293. Оп. 1. Д. 40. Л. 13.

⁸⁹ Выписка из протокола, состоявшегося заседания попечительского совета Виленского учебного округа 1 июля 1869 г. // LVIA. Ф. 992. Оп. 1. Д. 15. Л. 215.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

групп, и эти принципы в той или иной степени использовались при разработке стратегий национальной политики. Уже в середине 1830-х годов уваровская доктрина “охранительного просвещения” приобрела национальный аспект, оказавший влияние на формирование политики в области женского образования на западных окраинах. На языке чиновников, женщина могла стать “проводником тех идеалов и чувств в частную жизнь подданных”, посредством которых властям удалось бы достичь главной цели национальной политики – “окончательного сближения западных окраин с Российской империей”. Система женского образования оказывалась главным инструментом достижения этой цели. Воспитательная функция женщины в семье также рассматривалась в контексте национальной политики, обращенной на различные социальные и этноконфессиональные группы подданных в Северо-Западном крае.

Между восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг. представители центральной и местной администрации больше внимания уделяли реформированию мужского образования, хотя подходы к изменениям системы женского образования уже обсуждались. Главное заботой в эти годы считалось развитие самой этой системы, выведение образования девочек из-под опеки матерей. Это должно было стать предпосылкой для изменения ценностных основ образования. Поэтому между восстаниями были заложены основы государственного женского образования, но учебный процесс остался в руках частных лиц. После восстания 1863–1864 гг. имперская политика идентификации подданных как лояльных и нелояльных, подлежащих и не подлежащих обрусению, стала определять политику образования в Северо-Западном крае. Женщина-полька стала рассматриваться как хранительница духа польской нации, которая не поддавалась ассимиляции. Власти старались как можно эффективнее оградить от польского культурного влияния остальные слои общества. Местные чиновники выделяли только представительниц крестьянского сословия, отождествляемых с литовками и белорусками, которые, как считалось, с помощью “правильно организованной” системы начального образования могут воспитать будущие поколения “в русском духе”. Гораздо менее определенной была политика властей по отношению к женщинам еще одной значительной этноконфессиональной группы региона – еврейкам. Однако еврейское женское образование тоже подчинялось логике национальной политики, балансировавшей уже в то время на грани аккультурации и сегрегации.

Очевидно, что после восстания 1863–1864 гг. разработанные местной администрацией категории классификации и идентификации поданных не были универсальными, а предназначались для той или иной “проблематичной” группы. Однако каждая национальная стратегия была концептуальной и осознанной и использовала (или создавала) внутренние социальные и гендерные стратификации тех или иных групп в своих целях.

SUMMARY

The article traces the process of elaboration of education policies in the field of female education in the Northwestern region of the Russian empire by different agents of the Russian imperial state on central and local levels in the 1830s–1860s. However, Olga Mastianica’s principal goal is not a history of education in a gendered perspective, but a history of the construction of female social roles and national otherness in this troubling imperial borderland. Ethnic and confessional markers of difference in her analysis are complicated by a gender marker in order to produce a complex and dynamic picture of conjuncture of social, national, and gender discourses as well as idiosyncratic local considerations in contradictory efforts of imperial social engineering.

BIBLIOGRAPHY

- Adler, Eliyana R. *In Her Hands: The Education of Jewish Girls in Tsarist Russia*. Detroit, 2010.
- Dneprov, E. D. and R. F. Usacheva. *Srednee zhenskoe obrazovanie v Rossii*. Moscow, 2009.
- Dneprov, E. D. *Samoderzhavie i narodnoe obrazovanie v poreformennoi Rossii // Shkola i pedagogicheskaja mysl' Rossii perioda dvukh burzhuzno-demokraticeskikh revoliutsii*. Moscow, 1984. Pp. 49–96.
- Dolbilov, Mikhail. *Konstruirovanie obrazov miatezha: politika M. N. Murav'ieva v Litovsko-Beloruskom krae v 1863–1865 gg. kak ob'ekt istoriko-antropologicheskogo analiza // Actio Nova 2000*. Moscow, 2000. Pp. 358–367.
- Dopolnenie k sborniku postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshchenia 1803–1864*. St. Peterburg, 1867.

- Endelmann, Todd. M. Gender and Radical Assimilation in Modern Jewish History // *Gendering the Jewish Past*. Williamsburg, VA, 2002. Pp. 25-40.
- Eremeev, S. Zamechania po povodu voprosa o narodnykh u nas shkolakh // *Vestnik Iugo-Zapadnoi i Zapadnoi Rossii*. 1862. Vol. II. No. 6.
- Hyman, Paula. E. Gender and Assimilation in Modern Jewish History. The Roles and Representation of Women. London, 1995.
- Kipriianovich, I. Ia. K istorii zhenskogo obrazovaniia v Zapadnoi Rossii (Istoricheskaia zapiska ko dniu 50-letia Vilenskoii, Grodnenskoii, Kovenskoi gimnazii. 1860–1910). Vilnius, 1910.
- Kornilov, I. P. Pamiati grafa Michaila Nikolaevicha Murav'iova. K istorii Vilenskogo uchebnogo okruga za 1863–1864 gg. St. Petersburg, 1898.
- Lukšienė, Meilė. Lietuvos švietimo istorijos bruožai XIX a. pirmojoje pusėje. Kaunas, 1970.
- Manekin, Rachel. The Lost Generation. Education and Female Conversion in Fin-de-Siecle Krakow // *Polin. Studies in Polish Jewry*. 2005. Vol.18. Pp. 189-218.
- Nechto ob uchilishchakh dlia devits dukhovnogo zvaniia (po povodu gazetnykh tolkov ob etom predmete) // *Vestnik Zapadnoi Rossii*. 1866. Vol. III. No. 8. Part III. Pp. 13-28.
- Neskolko sovetov nastavnikam narodnykh uchilishch // *Tsirkuliar po upravleniu Vilenskim uchebnym okrugom*. 1867. No. 1. Part 2. P. 4.
- Nowak, Andrzej. Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku. Krakow, 1998.
- Pietrow-Ennker, Bianka. Russlands “neue Menschen”. Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt-am-Main, 1999.
- Polozhenie o shkolakh, uchrezhdaemykh v Belorusskom uchebnom okruge dlia nachal'nogo obrazovaniia bednykh devits // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1843. Ch. XL. P. 40.
- Polozhenie o Vilenskom obraztsovom pansione dlia obrazovaniia devits srednego sostoianiia // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1843. Vol. XXXIX. P. 56.
- Polozhenie ob obraztsovykh pansionakh dlia obrazovaniia blagorodnykh devits // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1837. Ch. XXV. P. 54.
- Rozhdestvenskii, S. V. Istoricheskii obzor deiatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniia 1802–1902. Sankt-Petersburg, 1902.
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniia. Vol. 2: Tsarstvovanie imperatora Nikolaia I. 1825–1855. Part I: 1825–1839. St. Petersburg, 1864.

- Sholkovich, S. Pol'skaia propaganda v uchebnykh zavedeniakh Severo-Zapadnogo kraia // Sbornik statei, raz'iasniaiushchikh polskoe delo po otnosheniu k Zapadnoi Rossii. Vol. I. Sostvil i izdal S. Sholkovich. Vilnius, 1885. Pp. 297-299.
- Staliūnas, Darius. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuanian and Belarus after 1863. Amsterdam and New York, 2007.
- Tichomirow, Andrzej. "Wiestnik Zapadnoj Rossii": oświata w kontekście idei "zachodniorusizmu" (1862–1866) // Rozprawy z dziejów oświaty. 2006. Vol. XLV. Pp. 275-307.
- Vremennye pravila dlia narodnykh shkol v guberniakh Vilenskoj, Kovenskoj, Grodnenskoj, Minskoj, Mogiliovskioj, Vitebskoj // Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshchenia. Vol. III: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II (1855–1864). Sankt-Petersburg, 1865. P. 859.
- Kornilov, I. P. Russkoe delo v Severo-Zapadnom krae. St. Petersburg, 1902.
- Zasztowt, Leszek. Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warsaw, 1997.

ARCHIVES

- Kauno apskrities archyvas (Archive of the Kaunas County). F. 293.
- Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Lithuanian State Historical Archive). F. 378; F. 567; F. 571; F. 1135.
- Natsional'nyi istoricheskii arkhiv Belarusi (National Historical Archive of Belarus). F. 3157.
- Rukopisnyi otdel Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (Manuscripts Division of the Russian National Library). F. 377.